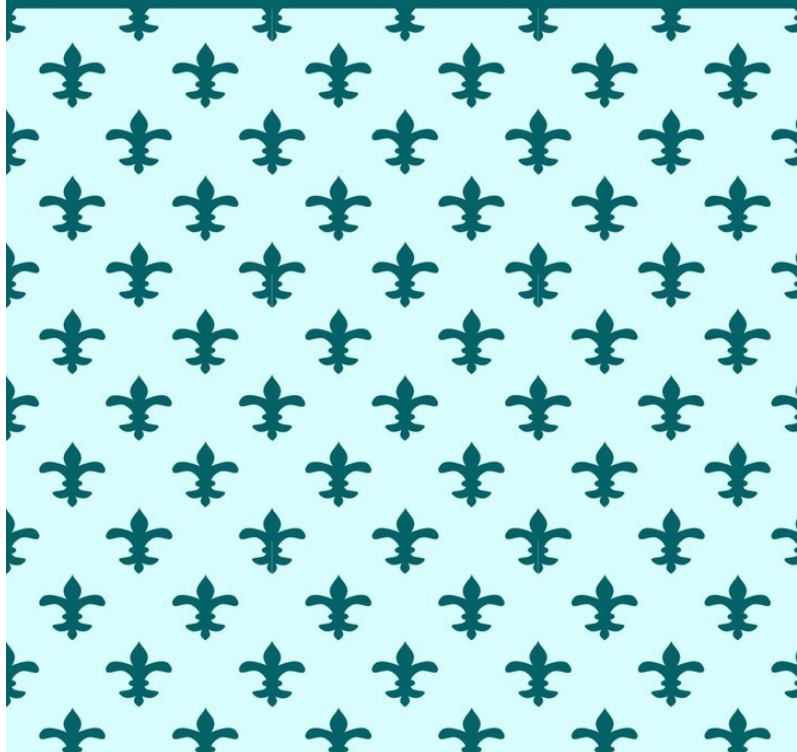

Dante Inanis
*Машины морали, машины
любви*

Dante Inanis

Машины морали, машины любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507118
ISBN 9785005056986*

Аннотация

Компания CommuniCat работает над созданием идеального сервиса знакомств, основываясь на анализе личности человека по цифровым следам. Поражение неприемлемо! Кажется наука вот-вот вторгнется на последний рубеж «экзистенциального». А секс окончательно станет вотчиной высокотехнологичных игрушек, изменяющих сознание. Тем временем общество лишается последних признаков нуклеарной семьи, и где-то в глубинах социума появляется старое знакомое чувство «последних дней». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Мемра и мурмурации	5
Глава 2. Тонкости телепортации	33
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Машины морали, машины любви

Dante Inanis

© Dante Inanis, 2019

ISBN 978-5-0050-5698-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Мемра и мурмурации

Он мог бы работать, где захочет, а акулы HR сновали бы рядом туда-сюда, предлагая наперебой безумные вакансии. Но нет. У него имелся личный интерес. В потоках данных, в сборе информации, в закономерностях. В них он видел красоту как никто другой.

Всё началось с домашнего проекта по светофорам, когда из циклов включений зелёного света он выделил закономерности движения пешеходов. Это было так красиво. Так неожиданно! Понимаете?

Он узнал, что во всём городе существует всего одна последовательность дорожных переходов, по которой вы сможете проделать путь без единой остановки, которая охватывает больше половины точек контроля движения. Конечно, если вы умеете быстро двигаться. Понимаете? Потом были рестораны быстрого питания, птицы, системы кредитования, и, наконец... Наконец.

Это был самый захватывающий, безумный и невозможный проект, очень похожий на проект с птицами. Но вместо птиц были люди. А вместо точек вирусного обмена – любовь. Возможно, во всём виноваты птицы! Так он ответил Чарльзу, когда тот спросил его: «Почему?». Он сказал: «Возможно, во всём виноваты птицы». И Чарльз ничего не понял. И никто бы ничего не понял! А он даже не объяснял.

Потому что, когда вы смотрите на птиц, а потом на людей, а потом снова на птиц, вы находите, что птицы не так сильно отличаются. Когда-то они были большие, ну знаете, с когтями, их все боялись, а теперь они живут на задворках и самые успешные из них воруют у нас блестящие ложки. И кому придёт в голову подумать о том, что птицы не так уж сильно отличаются от людей?

Нет!!! Это не какая-то глупая псевдо-красивая поэтическая мысль! Нет!!! Это вполне чёткая математическая идея, наполненная той красотой, которую нельзя нащупать голыми руками, голыми глазами и голым умом. Для этого нужно было знать столько же, сколько знал Паоло. Теория чисел, групп, хаоса, семантической информации, матрицы, структуры, пространства, преобразования, вероятность и статистика. Добавьте сюда капельку биохимии, физики, биологии, этологии, потому что без этого всё предыдущее не имеет никакого смысла, – и вы получите её. Красоту Паоло.

– Совершенная глупость сводить людей вместе на основании того, какие фильмы они смотрят и какие посты лайкают, – сказал Паоло на интервью.

– Зато это тридцать процентов успешных свиданий, – заметила женщина лет сорока. – Или у вас есть другой способ?

Паоло посмотрел в сторону:

– А я могу пососать леденец?

Несколько человек переглянулись между собой.

– Почему нет, – сказала женщина, и Паоло аккуратно раз-

вернул из бумажки мятную стекляшку торообразной формы, повертел в руках и положил за щёку. В комнате повисла тишина.

– Ну, так как? – спросила женщина.

– Тридцать процентов успешных свиданий ведь не гарантируют успешную семейную жизнь? – Спросил Паоло.

В комнате раздался смех:

– Дельное замечание, – улыбнулась женщина. – Но людям проще увидеть результат, когда он приходит к ним сразу, а не через три года или не дай бог на золотую свадьбу.

В комнате послышался смех. Паоло перекатил леденец за другую щёку.

– Тогда... – он сделал губы трубочкой и посмотрел в потолок, – тогда я бы не менял подход.

В комнате установилась тишина.

– Вы же только что сами сказали, что глупо сводить людей вместе на основании лайков.

– Если нужно только первое свидание. Вероятно, в подходе есть что-то правильное. Значит, следует отбросить ложное, а то, что останется, окажется решением.

– Как-то слишком просто, – прокомментировала женщина.

– Он мне подходит, – сказал мужчина с серебряными волосами, который напомнил Паоло графа, конечно, если бы во время феодального строя было принято красить волосы. Женщина пожала плечами, но решение было принято.

Через несколько часов Паоло был уже среди новых друзей в шумной компании, где один оратор ему запомнился особенно. Это был высокий худой мужчина в неформальной одежде, с ошейником на шее, бейсболке с козырьком назад и в чёрной футболке. Он говорил громко, активно жонглировал руками и много матерился.

– Да! Да!!! Да!!!! – хлопал он в ладоши. – Приезжаю я в Торонто, а там й*ая осень! Нет, ну а что делать. Я беру Эрика за руку и веду его пить глинтвейн, потому что Эрик ничего крепче не пьёт. Это же Эээрик.

Рассказчик наклонил голову набок изображая Эрика.

– И вместо того, чтобы поговорить с приятелем о высоком, ну там о хорошей эрекции, о девочках, он что делает? Он лайкает пост Маккинзи, – человек изображает максимальное возмущение.

– То есть, я выделил время, послал отца на*й, а он сидит и лайкает Маккинзи, которая трахнулась с каким-то Бобби и написала об этом. Вот тебе эвент, а?!!!

Люди внимательно вслушиваются в трагическую театральную паузу.

– А этот Бобби – он кто? Бобби – форменный засранец, его никто не любит. На него там бочки дерьма весь курс катит, а она с ним трАХнулась.

Толпа понимающе молчит.

– Вы же понимаете, что это значит? Они её просто съедят, вместе с её с*ка тупыми п*нутыми тампонами. И я смотрю,

там уже постов под пять сотен ненависти и его один лайк! Представляете?! Сотни постов ненависти – и его один-единёшенький лайк. И он ей пишет комментарий поддержки: «Я бы тоже трахнул такой член». Воображаете?! Пи*ец!!!

В голосе уже слышались хриплые нотки, а запал только разгорался:

– И что? А!!! Они идут на свидание, она лижет ему по самые яйца, и они женятся. Happy End!!!

Горячий оратор садится в общую компанию, опрокидывает шот и продолжает наигранное удивление:

– Ну вот, бл*дь, как?! Что нам скажет наука? И да! Я точно знаю: она не считала его сексуальным. Вы думаете – скрытая симпатия – а ни*я!!! Она не считала его сексуальным, пока этот сукин сын не поставил лайк!

Оратор уселся на диван, подтягивая к себе поднос с выпивкой.

– Билет мне в рай, если мы не сделаем бабки!

И он с довольной ухмылкой поднял тост:

– Выпьем за удачливого Эрика, за ох*енные лайки и за успех нашей кампании!

«Кампаай» – закричала толпа, «За науку!» – кричали другие, «За QA после первой не пить» – голосили третьи.

Оратора звали Чарльз. Он был сыном основного владельца акций компании *CommuniCat*, в которой теперь и работал Паоло.

* * *

Паоло влился в ряды разработчиков системы семантического (смыслового) анализа, которую программисты окрестили Мемра. В религии Мемра, она же Логос, она же Ма-амар, она же «Слово», обозначало сущность, созидающую мир из мысли. В CommuniCat Мемра анализировала посты людей в социальных сетях с целью конструирования модели идентичности.

Для этого Мемру научили выделять смыслы и определять отношение автора к ним. С удивительной точностью, превосходящей человеческие способности, Мемра обнаруживала иронию, удивление, раздражение, порицание, поддержку, агрессию, негодование и юмор. Она отлично справлялась с задачей нахождения сексуального флирта как явного, так и скрытого и уже участвовала в качестве эксперта в судебных разбирательствах по теме харассмента.

Своим успехом проект был обязан новой семантической теории информации Вольперта. Глазами Мемры человеческая индивидуальность представлялась словарём смыслов, массивом идей и матрицей отношений между ними. С точки зрения Мемры человек был машиной, которая разделяла реальность на две части: добро и зло. Машиной, для которой средой обитания выступали социальные сети как место выражения мыслей и распространения моральных оценок.

Мемра моделировала не только идентичности отдельных людей, но и создавала совместные модели для семей, партий, субкультур и стран. Она знала ответ на вопрос: сколько в ва-

шей индивидуальности чужого, из каких культур, субкультур были заимствованы идеи. Мемра могла точно ответить на вопрос: какой вы фрукт, каких мыслей раб и какого «отца» сын.

Мемра знала вас лучше, объективнее и точнее, чем вы. Однажды один из сотрудников с именем Майкл предложил написать автоматизированного психолога-ассистента, который бы помогал людям с бытовыми проблемами. Скажем, вы платите десять или двадцать долларов в месяц и получаете первичную помощь. Паоло эта идея пришлась по душе и он познакомил Майкла с домашним проектом, использующим базу данных Мемры для создания карты распространения идей.

– Это же круто! – радовался Майкл, смотря на картину, где отображались отношения между людьми и идеями. Интерфейс позволял выбрать разные группы людей по разным критериям, чтобы построить новую карту. Например, вы могли выбрать политические пристрастия, религию или виды образования. Майкл смотрел на творение Паоло с неподдельным восхищением, словно перед ним раскрылся новый неведомый мир.

Вселенная симпатий людей к идеям как бы одевала человечество в новое платье, создавала новый образ (или «look», как сказали бы представители модной индустрии). Теперь все люди делились на тех, кто... любил котиков, и тех, кто ненавидел любителей котиков. И если первое не было в но-

винку, второе вызывало интерес, особенно если обратить внимание на корреляцию с нетерпимостью к случайному сексу. Портрет среднего человека современности выглядел так. Вам тридцать три года. У вас аллергия. Вы придерживаетесь идеи здорового питания. В целом, вы оптимист. Любите котиков. И не очень любите, а то и ненавидите людей, занимающихся сексом без обязательств. А взамен, люди, которым нравится заниматься случайным сексом, ненавидят вас, как тех, кто любит котиков. И вот объясняйте это как хотите!

– До сих пор я считал свою работу бесконечно скучной, – признался Майкл. – Кажется, вы только что изменили мою жизнь.

Паоло, носивший обычно беспристрастное лицо или, как говорят, «rockface», неожиданно улыбнулся. Ему нравилось, когда его работа вызвала искреннее удивление. Так в лице Майкла он заполучил нового фаната, а возможно и друга.

* * *

Плюшевый клубок личных интересов в недрах Мемры был и у Майкла, который надеялся с её помощью столкнуться с любовью, все эти годы удачно обходившей его стороной. К тридцати пяти годам ему было стыдно признаться в таком публично несмотря на то, что сам он занимал позицию борьбы со стереотипами. Победить этот стереотип он не был в силах, потому что был одним из его истинных последователей и хранителей. С помощью Мемры он мог отследить

связь между идеей «истинной любви» и своей личностью. В свободное от работы время он раскрывал карту виртуальной идентичности и прослеживал связи между идеями, пытаясь понять, что нужно изменить в себе, чтобы вырваться на свободу.

Идея «истинной любви» занимала значительную часть сущности Майкла. От неё отходил пучок связей к идее «невозможного совпадения», которые вместе создавали фантазию про встречу с человеком, приносящим Майклу новый взгляд на мир.

Идея «невозможного совпадения» заставляла перебирать песок руками, в надежде задержать меж пальцев желанное. Это по-своему объясняло поведение Майкла, выглядевшее со стороны промискуитетом, будучи изнутри верой в сокровенное.

«Вот что плохо, – рассказывал Майкл группе разработчиков, среди которых сидел и Паоло, – Мемра создаёт виртуальную идентичность человека. Возможно, для сервиса знакомств этого достаточно. Но для поиска реальной любви – нет. Что мы делаем? Выдаём рекомендации на основании отношений людей к идеям? Допустим, для хорошего свидания это работает. А дальше? А построение семьи? А любовь? Вот если бы Мемра могла сконструировать ещё идентичность человека, которого мы бы могли полюбить. Если бы мы нашли закономерность, по которой идентичности притягиваются друг к другу».

Розовощёкая Нэнси тихо замечала: «Любовь слишком расплывчата, чтобы ставить задачу», и на этом размышления Майкла прерывались. Он и сам понимал неопределённость поставленного им вопроса, но как его определить или найти способ, чтобы определить, – не знал.

Нэнси тем временем переживала второй развод после второй беременности и относилась к своим мужчинам достаточно философски: «Не знаю, что вы от меня хотите, – говорила она им, – Детей? Пожалуйста. Родительские права? Пожалуйста. Меня? Ну уж нет! Оставьте меня мне!».

Иногда она жаловалась Майклу: «Почему если я прожила с мужчиной вместе, спала вместе и делала детей вместе – я обязана его выслушивать и делать вид, что он мне небезразличен?». Майкл молчал. «Твои любовники тебя тоже заставляют работать службой поддержки?» – спрашивала она его.

Майкл мотал головой, хотя и в его жизни всё было не столь просто.

* * *

Роясь в чемодане прошлого, Майкл не мог найти причин для жалоб. Первые отношения появились без усилий. За ним ухаживали, любили, ждали. Одевали, раздевали. Он обещал, что всегда будет предан. А потом была поездка. На пять дней. Он встретил другого и за четыре часа понял, что с ним так же хорошо, как и с первым. Это было ужасной трагедией. Лично для него. В нём как будто сидело двое: тот, кто обещал, и тот, кого целовали. И он повторил эту ошибку ещё

дважды, прежде чем навсегда запретил себе давать невыполнимые обещания. Но идея... Идея осталась.

На что же это похоже? На рыбу, которая мечтает жить как птица? На птицу, которая мечтает жить как рыба? Или на птицу, которая рыба, но мечтает жить как птица, но в воде как рыба? Тут легко запутаться. Легко прийти к отчаянью. Легко разочароваться в мироустройстве, особенно если ты человек, и ни рыба, ни птица.

А Майкл нашёл какой-то свой стержень равновесия. Одна его половина ощущала себя в сексе словно рыба в воде, а вторая была птицей в небе из возможностей и вероятностей. Когда он приходил на свидания, ему казалось, что он снимает кино про человека, который выглядит, как он, говорит как он, но не он. И всякий раз, когда такое ощущение ему удавалось, секс был сказочным, а когда нет – секса не было вовсе.

Наверное, в этом был секрет, почему он не чувствовал вину, когда был с Джимми. Он приходил, говорил себе: «Это просто визит вежливости». И каждый раз его накрывало ощущение, что он снимает кино. И он говорил: «Ну хорошо, у нас давно не было, а парень молодой, не буду же я вести себя по-свински». А на самом деле секс у них был всегда, когда виделись. Хоть и к сожалению Джимми встречи случались не часто. Но он не жаловался. Он даже старался не звонить, чтобы не вызывать чувство вины.

Майклу сильно повезло в том, что он не догадывался,

о чём думает Джимми. В глазах Майкла его любовник был несколько глуп и наивен. А Джимми чувствовал, каким недалёким человеком воспринимал его Майкл. Ему казалось, что безответная любовь вызывала у Майкла чувство вины. Джимми было ясно – его не любят, но он верил, что именно чувство вины возвращает Майкла, поэтому считал, что пока он явно не напоминает ему о любви, Майкл будет возвращаться снова и снова, испытывая стыд и обязательства.

Если бы Джимми знал, почему Майкл приходил к нему. Если бы Майкл понимал, что Джимми знает, каким он его видит. Если бы они оба могли поговорить друг с другом откровенно, то в тот же самый день случилась бы самая трагическая и одновременно комическая история двойного самоубийства. Какие там Ромео плюс Ромео?

Это было бы красиво. Ванна. Кафель. Кровь. Лепестки. Много лепестков. Много крови. Майкл и Джимми лежат голые в джакузи. Бурлит вода, красное месиво, эмоции! Шампанское бурлит в руках сценариста. Камера подъезжает ближе слева направо. Видно словно сотканые гуттаперчевые тела Джимми и Майкла. Полупрозрачные, неживые, замысловатые мускулы, судороги, тени от свечей, воск, капающий на тело, засохшая тёмная кровь, боль, ужас, ужас. УЖАС!

Мотор! Снято! Ещё ничего не написано, а у нас уже два трупа. И есть первый рассказ, который можно прекратить по своему желанию в любой момент. Только люди так не делают. И не потому, что они не знают о мыслях друг друга, –

догадываются. И не потому, что хотят сохранить себе жизни, – хотят, но не могут. И не потому. Но почему? Никто не знает.

Никто не знает, почему люди открываются друг другу как судоку, по кубикам и частям. И хорошо, если своим частям, порой это части других тел, вырванные или сворованные. Не удивительно, что почти никому не удаётся сложить пазл так, чтобы получить человека.

* * *

Теперь куда легче понять, что родного Майкл нашёл в Рейчел. Они были знакомы ещё с института, но их настоящие отношения завязались после того, как Рейчел выложила Майклу историю неудачных попыток.

У Рейчел было три парня. С первым она познакомилась на вечеринке у знакомых, его звали Коди. Он сам начал флиртовать с ней, и они уединились в комнате, а после трёх часов пространных разговоров он совершил над ней скромный поцелуй. Про таких как Коди говорят: «Он был милым парнем», а потом добавляют: «Но!».

Тод был совсем другим парнем, сельским, простым и тем, кому нравилось быть с Рейчел физически. Секс с Тодом был не то, чтобы замечательным, но лучшим, пока на горизонте постоянно маячил Коди. Однако Тод не спешил знакомиться с другой стороной Рейчел, а их беседы переполнялись неловкой тишиной, казалось, если бы не секс, хищное молчание перерезало бы глотки любовникам. Про таких как Тод гово-

рят: «Он был милым парнем», а потом добавляют: «Но!».

Коди и Тод – симпатичные хорошие парни, которые интересовались Рейчел, а она переключалась между ними, наполняя свою жизнь из обоих сосудов недостающими ингредиентами. Про таких как Рейчел говорят: «Она...» и даже не добавляют: «Но!».

Калейдоскоп свиданий прекратился, как только Рейчел столкнулась с Джеймсом. Их знакомство состоялось на работе, плавно перешло в разговор, разговор перерос во флирт, а флирт превратился в свидание. Джеймсу не требовалось приглашать Рейчел дважды. В нём было всё или почти всё, что она искала в мужчинах: он казался зрелым и умным, его интересовали все грани её личности, а татуировка на левой руке добавляла ему некий квази-хипстерский образ, от которого Рейчел сходила с ума. Не хватало только одного: он не был хорошим парнем.

Время от времени он казался милым и чувственным, но из-под белых рукавов выглядывал мрачный стилет-скелет личности. Джеймсу нравилось контролировать, хотя отношения только начинались, он уже сумел подобрать ключи к слабостям Рейчел. Играя на её чувстве вины или восхищении, он выбивал бонусы словно «Джекпот» на игровом автомате. Про таких как Джеймс говорят: «Импозантный мужчина», но про себя добавляют: «Мудак!».

Рейчел понадобилось немало времени, чтобы решиться расстаться с Джеймсом. Было нелегко признать, что она бро-

сила двух милых парней. И если вы спросите её, ради чего, — она вряд ли сможет подобрать слова. Про таких как она говорят, и даже она порой говорит о себе то же самое.

Но Майкл прервал цепь глупых самообвинений. Он-то уже давно понял, что воображение людей о морали и нравственности бывает максимально безнравственным из-за несоответствия с реальностью. Рейчел наконец смогла взглянуть на мир глазами существа, которое брало от других не более, чем они готовы были отдавать, и давало не больше, чем от него могли получить.

* * *

Теперь легко будет понять, почему Рейчел встала на сторону Майкла в вопросе отмены института семьи как единственного метода воспитания детей. Не то, чтобы она была «За» или «Против», но теперь она подвергала большим сомнениям собственные ощущения. И когда Нэнси высказала своё неодобрение, Рейчел возразила ей.

Для Нэнси эта беседа началась с выбора пирожных. Буквально пару часов назад она бегала по магазинчикам, пытаясь отыскать нужный пуншкрапфен (миниатюрное пирожное). Нэнси сразу же примостилась в очередь, как только увидела нежные розовые кубики в глазури, и пока очередь двигалась, она успела пробежать глазами статью с весьма говорящим заголовком: «Будущее воспитания детей».

Право на воспитание детей выдавалось семьям, прошедшим аттестацию и получившим сертификат. Родители, ко-

которые не хотели или не могли воспитывать ребёнка, имели право передать его «институциональной семье». Законы были продуманы таким образом, чтобы минимизировать число детей в детских домах, считающихся худшей средой для ребёнка.

Последнее время набирали обороты семьи из двух человек: родитель – ребёнок. Нэнси сама воспитывала двух дочерей, а Майкл мог стать одним из таких будущих родителей. Именно этот формат и стал движителем для авторов статьи, которые намеревались совершить переворот в современной системе воспитания. Они предлагали наделить правом воспитания ребёнка нескольких людей, которые не обязательно состояли в близких отношениях. Иначе говоря, авторы предлагали немислимое: разорвать связь между любовью и воспитанием навсегда.

Нэнси настолько погрузилась в хитросплетения статьи, что чуть не пропустила очередь к пуншкрапфенам! Её возмущению не было предела:

– Какая глупость! Вы только подумайте! Лишить ребёнка любящих родителей!

Эти слова один в один она повторила уже в офисе. Рейчел пожалала плечами:

– Но вы же воспитываете детей одна.

Нэнси с негодованием откусила пуншкрапфен:

– Но муму-вы-же-муму! – слова зажевались сладким пирожным. – Я люблю своих детей! И этого достаточно!

В разговор вмешался мужчина средних лет с именем Рене, который сидел от Нэнси в другой части комнаты. Даже не поворачиваясь лицом к коллегам, он произнёс:

– Кто же вам сказал, что они не будут любить детей?

Нэнси развела руками:

– А откуда возьмётся любовь?! Они не хотят строить отношения, живут только для себя! – но конец мысли вслух произносить не решилась: «И весь этот закон про „институциональные семьи“ нужен только для того, чтобы трахаться направо и налево и иметь детей».

Мода устраивать скандалы с эмбрионами была не нова. Всё началось с истории мальчика по имени... Хотя нет, когда история только начиналась, никакого имени, как и мальчика ещё не существовало. Была лишь семья популярного певца и композитора Биджоя Чандра, в которой давно хотели детей. Тяжёлая болезнь тихой сапой отбирала у звёздного мужа любимую жену. Поэтому они приняли решение заморозить несколько яйцеклеток и образцов семени. Однако несчастья редко приходят поодиночке. Всего через пару лет Биджой сам превратился в заложника смерти. Тогда со свойственным ему остроумием он составил необычное завещание человечеству.

То, чего не успела сделать природа, должны были довершить руки учёных. Им надлежало отобрать из имеющегося генетического материала наиболее «совершенный» эмбрион, который бы получил все таланты отца и красоту матери.

А после, согласно завещанию, эмбрион следовало передать на воспитание в семью профессиональных музыкантов, чтобы те взрастили музыкального гения.

Прошло более семидесяти лет, пока один из известных музыкальных лейблов не решил выполнить завещание Биджоя. Согласно всем условиям он подыскал семью итальянских музыкантов и спонсировал суррогатную мать. Так на свет появился мальчик с итальянским именем Микеле и индуисткой фамилией Чандр. Но через шесть лет у семьи, которая находилась под пристальным вниманием прессы, начались серьёзные проблемы. То ли по глупости, то ли по случайности в публичное пространство попал договор лейбла с приёмной семьёй мальчика, в котором значились особые условия. Согласно условиям договора семья обязывалась воспитывать в молодом гении музыки преданность компании, и тем самым подвести его уже к седьмому году жизни к выгодному контракту на пять лет.

Возмущению не было предела! Канадская премьер-министр Шан Лю использовала в своей речи фразу: «даже со времён рабовладельческого строя», описывая ужас ситуации. Американский президент не сдерживался в эмоциях. Каждый лидер мира считал своим долгом высказаться по данному вопросу.

Прецедент был невообразимый и вызвал глобальный резонанс. Результатом этого скандала стало предубеждённое отношение к сперматозоидам, яйцеклеткам и заморожен-

ным эмбрионам.

В этом общественная мораль подобна иммунной системе. Иногда она даёт сбой и пропускает незнакомого нарушителя. Но после кровавой борьбы, потоков эритроцитов и моралфагов, она запоминает признаки патогена, чтобы в будущем бессознательно и молниеносно среагировать на него. Здесь её сила и слабость. С одной стороны – спасение, с другой – аллергия. С одной стороны – скорость, с другой – бестолковость.

Теперь понятнее причины прогремевшего в прошлом году скандала, когда одна из молодых сотрудниц *CommuniCat*, Катрин, с мужем решились родить ребёнка. Семья отложила деньги, запланировала беременность, и вдруг... Катрин решает поехать отдохнуть на Галапагос, замораживает эмбрион и разводится с мужем. Если бы это был сюжет комедии – на него бы вовсе не обратили внимания, но в обществе, которое ещё помнило историю Микеле Чандра, случай произвёл эффект соли на незатянувшейся ране.

Скандал разгорелся не сразу. Кто-то из друзей мужа выложил фотографии счастливого развода в сеть. И хотя праздновать развод с тортом, улыбками и свечами – традиция далеко не новая, сочетание Галапагоса и замороженного эмбриона привлекли зевак. В хоре осуждающих уверенно звучали голоса Нэнси, а также Виктора и Мо, которые успели стать специалистами в вопросе замороженных эмбрионов. Аргументация, звучавшая из лагеря противников замороженных эм-

брионов, строилась на словах: продажа людей, человек не игрушка, поля благодати, фашисты и евгеника.

Нэнси отлично выражала обобщённое мнение социальных сетей:

– Вообразите себя на его месте, – Нэнси имела ввиду эмбриона. – Вы почти родились, а ваши биологические родители внезапно решают отложить это на неопределённый срок, потому что им, видите ли, захотелось отдохнуть на островах! И как вы себя почувствуете?!

Последние слова Нэнси закусывала сладким пуншкраффеном, всем видом показывая неистовое возмущение. Она искренне переживала за то, что говорила. Ей была отвратительна ситуация, если бы с ней кто-то поступил так же, тем более, кто-то и правда поступил с ней схожим образом. Она потратила немало усилий, чтобы рассказать об этом всюду, где могла. Её обидчиков звали Кевин и Лафи. Кевин пригласил Нэнси на свидание, а сам пошёл на свидание с её подругой Лафи.

Нэнси потратила два месяца, чтобы описать свою ситуацию на всех онлайн площадках Кёльна, общественных местах и офисных пространствах. В сети даже появился локальный мем: «Феномен Нэнси». К вам подходит незнакомая девушка и говорит: «Вы не знаете Лафи?». Вы качаете головой. Тогда она спрашивает: «А Кевина знаете?». Вы пожимаете плечами. Тогда она выдаёт вам от А до Я всю драму, и вы в растерянности не находите слов, чтобы отвязаться

от незнакомки. Даже ощущаете какое-то неудобство и продолжаете стоять как истукан.

Рене легко объяснил этот феномен на корпоративе:

– Верьте мне! Так всё и было! Бог создал Адама! Но очень скоро тот начал говорить сам с собой. Из-за скуки конечно! – Рене наклонял лицо на девяносто градусов и внимательно всматривался в зрителей. – Поэтому Бог создал Хомячка. Мягкий, милый, но быстро изнашивается. Пришлось делать женщину. Хомячок был, конечно, лучше, но... Сами понимаете.

Зал понятиливо молчал.

– Однако извечную хандру Адама это не остановило, ибо тем для разговора у них с Евой не было. И пришлось Богу их развлекать, – Рене улыбнулся. – Вулканы, звездопады, гром, молнии, животные, красивые животные, страшно красивые животные, просто страшные животные, очень большие животные, просто невероятно большие животные, невероятно страшные большие животные, маленькие животные, очень маленькие животные, страшно маленькие животные, паразиты, вирусы. Вирусы, которые передаются половым путём – всегда есть о чём поговорить!!! Утро, а он такой: «Дорогая, сегодня я нашёл твой вчерашний вирус». Они же бессмертные, им-то что. Некоторое время выдумки Господа возымели действие над Адамом да Евой, и стало им интересно и увлекательно. Но недолго! Ибо сидит в каждом человеке скука мрачная. И вот ночью заветной приходит Бог к дре-

ву познания, дабы попросить: «Ты, змий-хитрый, помоги роду человеческому, умирает он в депрессии да без радости, а Прозака уже не дают! И молвил ему змий с лапками голосом ехидным: «Не те чудеса, Господи, ты творишь. А сотвори ты Адаму вторую Еву». И отщепил бог от неё кончик языка да вылепил по образу и подобию женщину и нарёк её именем Клара. И пришла Клара утром к Адаму и поведала она ему первую сплетню, как Ева изменила ему с другим мужчиной. И был первый сарказм и скандал, и слёзы, и доказывала Ева Адаму, что не верблюд. А тем временем пошла Клара к Богу да поведала ему, будто нарушили Адам с Евой священный завет. Верьте мне, так всё и было! И была ложь, и мораль, и был первый стыд человеческий от морали той. С тех пор люди в муках рождаются и сплетничают, и некогда им печалиться, потому что такая х*ня теперь в мире коится, что вообразить страшно!

Впрочем, Рене иногда удавалось бывать серьёзным. В эти моменты он закладывал ногу за ногу, и, безучастно глядя в потолок, выдавал какую-нибудь глубокую мысль:

– В будущем *Verliebtheit*¹ или даже *Limerence*² должны безвозвратно покинуть человечество вместе с ненавистью.

Присутствующие повернулись к Рене, и на некоторое время зависла тишина. Виктор не упустил возможности проявить инициативу:

¹ Влюблённость (нем.)

² *Limerence* – экстремальное состояние влюблённости (нем.)

– Какая дивная мысль! И каким же образом?

Рене сделал вид, что не услышал вопроса и продолжил:

– Если подумать, любовь была нужна, чтобы объединить усилия двух людей над продолжением рода, а после гарантировать выживание ребёнка. Если воспитание и выживание детей перестанет быть вопросом способности двух взрослых особей заботиться о детях, то чувство, заставляющее нас сходить с ума с целью смотреть на мир розовыми глазами, лишь бы привыкнуть к своему партнёру, сойдёт на нет.

Виктор не сдавал позиции:

– Отличная гипотеза! Но подобные изменения займут очень много времени. Ведь сперва нужно, чтобы такая мутация появилась.

Рене посмотрел на Виктора пустым взглядом:

– Скорее всего такая мутация давно присутствует. Просто теперь она станет доминировать в обществе.

Майкл затаил дыхание, ощутив, что возникший вопрос волнует его не в последнюю очередь:

– То есть, ты хочешь сказать, что среди нас могут быть люди, которые не способны влюбляться?

Рене развёл плечами:

– Почему бы нет?

– Да уж, только их никто никогда не видел, – заметил Виктор.

– Точно уж! – подтвердила Мо.

Рене хитро глянул на парочку:

– А кто бы из вас мог заметить такого человека? Тут две проблемы, – и Рене принялся загибать пальцы. – Влюбляться считается необходимым для каждого, кто желает быть полноценным. Сбитые мозги набекрень, глупый риск, попытки расстаться с жизнью кажутся романтическими и образуют стандарт поведения, которому может следовать не только человек, отравленный гормонами, но и человек, желающий выглядеть полноценным, – Рене остановился и загнул второй палец: – А вторая проблема – готовность заметить. Вот кто из вас заметил, что у нас в офисе новый кулер для воды? – Рене пробежал глазами по присутствующим. Нэнси виновато улыбнулась и прошептала как бы про себя: «Ах вот почему кнопки иначе нажимаются».

– Что и требовалось доказать, – продолжил Рене. – И при этом все из нас знают, что Майкл – гей, хотя он ни разу не говорил об этом и вообще ничего о себе не рассказывает.

Майкл пожал плечами, Рене утвердительно посмотрел на него:

– А вот всего пару сотен лет назад, мало кто смог бы правильно соединить факты так, чтобы понять это.

Нэнси откусила небольшую часть пуншкрафена и поёжилась:

– Значит и сексуальности никакой не станет? – она немного подумала, – и мужчин и женщин не будет? – Нэнси вопросительно с ужасом смотрела на Майкла. – То есть я права! Растить детей без семьи, какими-то роботами, сотрудника-

ми – приведёт человечество к гибели!

В молодости Нэнси была активисткой движения против детских домов, и хотя её навык произносить пафосные речи со временем притупился, она могла бы его быстро восстановить при надобности. Ей было важным считать себя частью того добра, которое всегда побеждает, поэтому работа в *CommuniCat* по созданию сервиса любви выглядела работой правильной, достойной гражданина.

Виктор также гордился участием в проекте, где занимал должность комиссара по этике. Он считал себя неофициальным специалистом в сфере человеческих отношений, и поэтому у людей не было прав обойти его фигуру. С его точки зрения быть хранителем морали и любви – лучшая должность и позиция, чтобы получить максимум внимания. С тех пор ни одна концентрация мнений не обходилась без хитрых вопросов Виктора. Поговаривали, что и его появление в *CommuniCat* не было случайным. Виктор делал ставку и верил, что новый проект – это самая перспективная система с точки зрения развития социума. Поэтому, когда на горизонте замаячил запах провала, чувство горького разочарования было неизбежным.

* * *

Прошла весна, а за ней галопом промчалось лето. Результаты тестирования Мемры не прибавили энтузиазма. Команда находилась в напряжении. Рейчел заканчивала собрание. Обсуждения *CommuniCat* проходили в специальных стек-

лянных боксах-комнатах, которые хорошо просматривались с любой точки орен-офиса, но при этом обладали идеальной звукоизоляцией.

– Не айс, парни, – обращалась менеджер к окружающим, разводя руками, хотя тех, кого можно было бы назвать парнями, тут было меньшинство.

– Думаю, мы что-то упустили в модели. Да, нам кажется, что ничего, но, выходит, упустили, – говорил Виктор.

– Правильно, Виктор, конечно же, так и есть – с энтузиазмом восклицала Мо, что сидела недалеко от него.

– Не скажите, девочки, – покачала головой Рейчел. – Мы проверили сто человек на КРАНЕ³ высокой точности. Параметры модели характера, полученные по активности человека в интернет, и модель характера, полученная на КРАНЕ, совпадают. И то же самое мы видим на нашей контрольной группе идеальных пар. Тут нет ошибки.

– Значит, ошибка в чём-то другом, – сказал Виктор.

– Совершенно верно, – добавила Мо.

– И в чём? – спросила менеджер.

Собрание молчало.

– До сих пор мы двигались очень успешно. Если испытания провалятся на этом этапе, то нам всем придётся искать новую работу. Никому не нужна служба онлайн знакомств, которая имеет такую же эффективность, как и у основных игроков на рынке, – Рейчел обошла комнату кругом. – Нет,

³ Транскраниальный сканер высокой точности

парни, не то, что я хочу вас напугать.

– Мне кажется, – перебил Виктор, – нам просто нужен новый взгляд на проблему.

– Я тоже так думаю, – сказала Мо.

Рейчел улыбнулась улыбкой со вкусом гвоздики.

– Отличная идея, – сказала она с заметной долей иронии, – но как же мы найдём этот новый взгляд?

– А вот Майкл сегодня собирался устроить вечер Каркассона с зефирками, – вспомнил Виктор.

– Да, да, Вик! – подтвердила Мо. – Хороший способ найти новую точку зрения.

Менеджер улыбнулась:

– А что думает Майкл?

Майкл сидел недвижно.

– Майкл? – повторила Рейчел, – Майкл! Ты здесь?

Рене вздрогнул и вышел из оцепенения, будто эти слова предназначались ему. Он нашёл спину Майкла, который неподвижно сидел прямо перед ним.

– Честно говоря, у меня изменились планы, – подал голос Майкл.

Все собравшиеся вопросительно посмотрели на Майкла.

– Вчера я познакомился с парнем.

В комнате образовалось оживление:

– Парни – это временное, хорошие вечера – вечное, – слышался весёлый голос Нэнси.

– Майкл, – сказал Виктор, – на тебя совсем не похоже.

Променять Каркассон на мужчину?

Майкл пожал плечами в знак того, что не видит никакой проблемы.

Глава 2. Тонкости телепортации

Высасывал ли аскетичный минимализм уют из квартиры или придавал прямоугольному пространству ощущение свободы – сказать сложно. Гостиная и рабочий кабинет – такой была современная формула удобного жилья. Равномерно распределённые пуфики на колёсиках, складной стол в полу, умеющий превращаться из стола в журнальный столик или вовсе исчезать из комнаты – главный атрибут гостеприимства. Пара искусственных бонсаев, которые не требовали ухода, – по углам комнаты, органический текстурированный пол с фракталами вместо ковров – формула домашней эстетики.

Единственным элементом индивидуальности жилища мог бы стать лишь хозяин, но и он не отличался решительно ничем, если только за индивидуальность нельзя было бы принять отсутствие стиля, отросшие волосы и щетину.

Гость прошёлся по периметру комнаты, хаотично растолкал пуфики, и, окончив круг, уселся. На затылок прыгнул солнечный зайчик, намекая на ясный день. Гость поднял вопрошающий взгляд на хозяина.

– Может быть, кофе? – предложил хозяин в знак гостеприимства.

– стакан воды, пожалуйста, – улыбнулся гость в то время, как короткостриженные пепельные волосы пропустили луч

света. Блик от чужого окна вздрогнул и исчез.

Хозяин нажал на кнопку, распахнувшую бар в стене, и налил воды. Он аккуратно передал стакан гостю из рук в руки, обращая внимание на его высокие квадратные скулы. Эти скулы создавали образ короля жутких тёмных веков. Властный, внушающий трепет и страх.

– Майкл, – представился хозяин.

– Ал, – вежливо ответил гость.

Майкл попытался двинуть пуфик на прежнее место, но Ал попросил его сесть. Они оказались друг напротив друга.

В доме не было ни книг, ни фигурной посуды, ни иной мебели, которая бы могла вместить в себя мишуру. Даже освещение не занимало место. Точечные источники света были рассыпаны, словно звёзды по фигурному потолку, и включались специальным движением рук.

Большой экран в правой стене отображал человека. Это была картина на которой одинокий странник с длинными волосами сидел среди камней. Тяжёлая голова накренилась вниз, а ладони сложились в свод храма. Предрассветные сумерки вились у ног словно змеи, пытаясь сковать волю и думы, но мысли странника убегали далеко за пределы экрана. Майкл переместил взгляд с изображения на гостя. Что между ними общего?

Говорить было не о чем, но о чём-то нужно было говорить. Майкл выжидал, когда гость сделает первый шаг, но тот в абсолютной тишине лишь осматривал профиль. Майкл не вы-

держал:

– Вы местный? – обычно такой вопрос задают тогда, когда хотят определиться в длительности знакомства.

– Утром только из Торонто.

К несчастью гостя, Майкл знал напамять расписание всех авиарейсов из Торонто в Вену, Мюнхен или Цюрих, и даже другие варианты прибытия в аэропорт неподалёку от Кёльна с пересадкой. Он хорошо помнил, что раньше двух часов дня прилететь в город было невозможно. Это знание досталось ему от прошлых отношений с человеком, с которым он виделся чаще в аэропорту, чем по жизни.

– Этого не может быть, – вежливо подметил Майкл.

Гость повернул голову к изображению странника среди камней и ответил:

– Почему же не может?

– Потому что самолёт ещё даже не приземлился, – с нотками напряжения сказал Майкл. – А телепортацию ещё не изобрели.

– И не изобретут, – сказал Ал, – телепортация невозможна, – он снова обратил свой взор на хозяина квартиры, и Майкл прищурился, пытаясь понять смысл.

– С чего это вдруг? – спросил он.

Гость снова взглянул на картину со странником среди камней, улыбнулся и ответил:

– Там, где есть разум, телепортация невозможна.

Майкл напряг все свои извилины, чтобы вспомнить хоть

какие-то факты, способные хотя бы отдалённо объяснить услышанное. Он смотрел на гостя с недоверием и с искренним интересом. Желание поспорить почти вырывалось из его уст, но он смерил визитёра взглядом и вежливо обратился:

– Разве между этим есть какая-то связь?

Гость хитро зыркнул, подвинул пуфик так, чтобы его колени коснулись коленей Майкла. Майкл сжался.

– Возьми меня за руку, – сказал Ал. Майкл протянул ладонь, и гость сжал её. – Что мы только что сделали? – спросил Ал, на что хозяин пожал плечами, а гость немедленно ответил.

– Мы создали связь. – Ал потянул Майкла на себя. – И теперь часть движений твоего тела ограничена этой связью. Значит связь – это ограничение, а ограничение – это связь. Слова разные, а смысл один.

Майкл освободил руку, чтобы задать вопрос.

– А любовь – это тоже ограничения? – на который через некоторое время ответил сам, – почему же эта мысль не пришла раньше?

Если бы эта мысль появилась раньше, многое из того, что произошло, не случилось бы.

Майкл протянул руку к стакану воду и осушил до дна. Потом он вспомнил, что стакан был не для него, и посмотрел с опаской в сторону гостя, пытаясь обнаружить осуждающий взгляд. Но на лице Ала не было даже следа враждебности.

Майкл подошёл к пуфику, чтобы перетащить его на законное место, а после повторил это с остальными. Остался лишь тот, на котором сидел гость. Ал спокойно наблюдал за действиями хозяина, дав короткий комментарий:

– У тебя связь с ними.

– Это мои ограничения, – признался Майкл. – Если они не находятся на нужных местах, мне кажется, что я не у себя дома.

– А если они на нужных местах?

Майкл было хотел что-то ответить, но Ал взял его за руку, тепло разлилось по всему телу, и ненужные мысли исчезли с горизонта, уступив своё место чувствам. На несколько часов привычка беспокоиться по поводу неправильно стоящих пуфиков покинула Майкла. Пришёл вечер.

Майкл лежал на широком матрасе, беззаботно уставившись в потолок. Он повернул голову в сторону Ала, чтобы рассмотреть грациозный поток мышц на поверхности бедра. Ощущение красоты восхитило. «Мой бог» – подумалось ему и сразу после этой мысли вернулось беспокойство относительно правильности поступков.

Майкл вспомнил их встречу в доме EL-DE и попытался понять, с чего всё началось. Что заставило его оказаться в музее. Он не любил тратить время на созерцание прошлого, музеи были ему чужды. Но что-то же произошло утром этого дня?

* * *

А утро этого дня началось с раздумий над сервисом «Мера», который обещал поднять эффективность поиска любви на новый уровень. Учёные вплотную подошлись к разгадке таинственного чувства, и не воспользоваться этим открытием было бы неразумно как с точки зрения получения прибыли, так и с точки зрения улучшения качества жизни.

Майкл был одним из самых заинтересованных лиц в успехе данного мероприятия. Несмотря на расцвет умственных и физических сил, он был совершенно одинок, и если лет пять назад этот факт внушал вдохновение, то сейчас в голове Майкла медленно ползли пугающие мысли об ущербности. Как же так вышло?

Любовь – чувство привязанности к образу, который отличается от реального человека. У «обычных» людей происходит постепенная подгонка образа к реальной личности, а кое-где любимый человек сам становится похож на образ. Но у Майкла, кажется, вообще не было никакого образа.

Если Антонио, нейрохирург, был примером смелой решительной личности, в которой Майкл видел недостаток скромности и ласки, то Джимми, с морем скромности и ласки, отталкивал нерешительностью. Карл был умный, но недостаточно красивый, а Ральф – красивый, но недостаточно умный. Иван имел и то и другое, но ничем не увлекался. Во время работы оказывался недоступен, а в быту недвижим. Кучерявый Торвальд был всесторонне развитым астрофизиком, но разговаривать с ним не представлялось возможным, по-

тому что он разбирался во всём. Толик хорош, но удивления не вызывал, а Антонио вызывал столько удивления, что Майкл порой его боялся. Антонио не спешил выражать внимание, а Джимми дарил столько внимания, что хотелось его задушить.

Звуки тяжёлого перекаत्याющегося железа отвлекли Майкла от грустных мыслей. Он поднял голову. Звук, похожий на катание штанги по полу, повторился снова. В квартире над ним жила старушка – божий одуванчик, и звук тяжёлого железа никак не мог принадлежать ей. «Что ж. Стало быть, у её молодой любовник. Она платит ему деньги, а он каждое утро после секса занимается спортом, – так Майкл объяснял себе эти странные звуки. Подумать только, она купила любовнику мини-спортзал. И это в её то годы». Но сколько именно лет старушке – он не знал.

Майкл проверил мессенджер, заглянул в аккаунт Джимми и увидел новое фото в ванной. Ничего не ответив, он закрыл чат, оделся и уже ровно через двадцать пять минут стоял на улице с забавным названием Комёдиенштрассе. Прямо перед ним виднелась рекламная панель с фотографиями надписей заключённых на неизвестном языке. Ниже был перевод: «Вася, я люблю тебя, не могу без этого чувства, вспоминаю каждый день. Кажется, это всё, что осталось».

«Человек вот-вот умрёт, а всё, о чём он может думать, – это любовь», – подумалось Майклу, он сделал буквально несколько шагов вперёд, вернулся к рекламному щиту и пе-

решил на противоположную сторону по направлению к дому с инициалами EL-DE. Дом некогда был арендован гестапо у католика и коммерсанта Леопольда Дамена.

Мрачные подвалы пыток не произвели особого впечатления на Майкла в отличие от настенных надписей. Их можно было разделить на несколько групп: свидетельства существования, надписи о дружбе, о свободе, надписи отчаяния и надписи о любви. Майкл постарался залезть в шкуру заключённого, чтобы увидеть жизнь с его точки зрения.

В тишине размышлений он почти добрался до выхода, как вдруг его остановил незнакомый голос:

– Когда человек попадает в тюрьму, ставшую молчаливой свидетельницей преступлений, и хранящую надписи мучеников – самое важное, что он может увидеть, – вовсе не надписи мертвецов, а отзывы живых людей, которые прошли её коридорами.

Голос, сперва словно возникший в воображении, принадлежал мужчине, которого Майкл увидел впервые. Незнакомец походил то ли на герцога, то ли на короля. Образ древнего правителя проступал в овальном лице с чёткими квадратными скулами, на которых угадывалась щетина, так же покрывавшая волевой подбородок. Пока Майкл молчаливо разглядывал внешность, мужчина взял его за руку, как взрослые берут детей, и заставил сделать несколько шагов к книге отзывов. Жестом он предложил взглянуть на неё.

Майкл повиновался и увидел записи, сделанные разным

почерком на разных языках. Тут был французский, немецкий, русский, китайский и итальянский. Майкл отлично понимал английский и прочитал заметку, сделанную японцем, в которой говорилось, что глупцы всегда остаются несмотря на опыт прошлого, а люди не меняются. «Дураки не учатся, а их большинство», – говорилось в заметке. Её автор не удивлялся бессмысленности смертей, ведь ему казалось, что и сама жизнь бессмысленна.

Майкл пересмотрел несколько страниц. Где-то кричали слова: «Never again» (Никогда снова). Но внимание привлекла надпись на английском языке, выполненная красивым почерком, где каждое слово начиналось с заглавной буквы:

«Спасибо За Напоминание О Том, Что Мы Все Есть Люди»

Именно так Майкл познакомился с Алом, и уже через час Ал сидел на мягком пуфике у Майкла, а ещё через минут сорок они касались чувств друг друга сквозь горячие границы собственных тел.

Майкла беспокоили два ощущения: красота и преднамеренность. Речь шла не о красоте тела «случайного» гостя, и не о красоте души, которую Майк не мог знать. Это была некая красота «вокруг». Предчувствие, восторг. Майкл старался подобрать нужные слова и, чем больше пытался, тем больше понимал, насколько сложное ощущение овладело им.

Преднамеренность. Где-то в событиях этого утра таилась

чёткая преднамеренность. Может быть, она скрывалась в рекламной вывеске? Может быть, в книге отзывов? Может быть, в самом госте? А может быть, во всём вместе взятом. Внутри было чёткое ощущение, что Майкл уже знал этого человека когда-то давно. Но такое чувство случается и по отношению к тем, к кому испытываешь симпатию. На самом деле нет! Чувство давнего знакомства можно испытывать к человеку, который буквально думает так же как и ты! Майкл вспомнил, что это было доказано экспериментально, и ещё раз постарался вспомнить – не встречался ли он с этим человеком в прошлом? Память не поддавалась.

Он подождал, когда Ал облачится в одежду, чтобы начать свой расспрос.

– Какая у тебя цель? – спросил в лоб Майкл.

Он намеревался застать гостя врасплох. Оглушить его прямоотой, заставить нервничать. Но Ал не только не удивился, он даже не задумался над ответом:

– Привлечь твоё внимание.

– Почему именно моё? Ты меня знаешь?

Ал поводил глазами по телу Майкла, словно рассматривая что-то внутри него:

– В каком-то смысле да.

– В каком? Мы встречались раньше?

– Можно сказать, что встречались, – ответил Ал.

Беседа перешла в режим допроса в стиле блиц. Вопросы, которые Майкл накопил за последнее время, сыпались как

из-под пулемёта, но у Ала все ответы были наготове. Перестрелка ускорялась.

– Когда?

– Пару сотен лет.

– Пару сотен лет назад? И кем же я был в прошлой жизни?!

Было заметно, что ответ про «пару сотен лет» разозлил Майкла, и Ал постарался исправить ситуацию.

– Извини, я не точно выразился. Я не имел ввиду, что знаю именно тебя. Я встречался с человеком, который очень похож на тебя. В мире живут люди, похожие друг на друга, не столько внешне, сколько внутренне.

– Ага, то есть это был как бы мой двойник. Или я его двойник?

– Нет, это не был двойник. Это человек, который мыслит схожим с тобой образом.

– То есть ты хочешь сказать, что двести лет назад существовал человек, который мыслит так же, как и я?

– Да, ваш багаж знаний и опыта различен, но ход мышления подобен.

Наконец Майкл выключил пулемёт вопросов и задумался по-настоящему.

– И это несмотря на весь прогресс в культуре? То есть, за двести лет ничего не изменилось?

– Не изменилось. И не только двести лет, но и тысячу.

На лице Майкла появилось притворное удивление.

– Даже тысячу?! Хорошо! А когда ты встретил человека, похожего на меня, в первый раз?

– Ну если не учитывать пуфики, думаю, очень давно.

«Если не учитывать пуфики», – запомнил Майкл. Он не понял, что это значило, но решил не заострять внимание. Его интересовал другой вопрос:

– Насколько давно?

– Не знаю. Я часто путаю людей с другими... людьми.

Майкл удивился на самом деле:

– Другими? Превосходно, – он пытался словить смысл фразы «другие люди» по интонации угадывая, о каких именно «людях» идёт речь, и догадка про инопланетян вызвала негодование. – Серьёзно?! Значит, существуют другие люди? Ты хотел сказать, не совсем люди?

– Именно это я и хотел сказать.

– То есть ты живёшь много лет.

– Не совсем.

Майкл разгорелся. Его мысли задёргались. Он ощутил себя следователем на допросе. И как опытный следователь он сделал паузу, чтобы понять, какие вопросы нужно задавать, чтобы вывести человека на чистую воду. Точно, вот оно. Майкл вернулся к мини-бару, чтобы наполнить новый стакан кристальной воды. Он постарался успокоиться и мыслить логически.

– Скажем, ты существуешь много лет, – он протянул гостю чистой воды.

– Верно, – Ал принял стакан, выражая кивком благодарность.

Майкл попытался найти микровыражения, чтобы определить признаки лжи в словах человека, но лицо было ровным.

– И как много? Сто, тысячу? – хозяин всматривался в мелкие морщинки вокруг голубых глаз.

Гость отвёл взгляд в сторону, что означало попытку вспомнить и косвенно указывало на намерение сказать правду:

– Можно сказать «всегда».

– Всегда?! – в одном вздохе Майкла выразились чувства удивления, негодования и восхищения.

– Это слово в твоей культуре лучше всего выражает смысл, который я бы хотел передать, – сказал Ал серьёзным голосом.

Майклу нужно было время, чтобы обдумать суть сказанного. Не стесняясь, он принялся рассуждать вслух:

– Как бы всегда – значит, либо с начала существования всего, либо с начала существования Земли, либо... с тех пор как существуют люди?

– С самого начала.

– Существования всего?

– Того, что ты называешь словом «всего».

– Вселенной?

– Можно сказать и так, – Ал небрежно качнул головой.

Майкл попытался вспомнить способы выявления шизо-

френии. Нужно было найти явные парадоксы в мышлении или расхождения с реальностью. Для этого следовало составить цельную картину.

– Значит ты живёшь с начала вселенной?

– Существую...

– Между словом жить и существовать есть разница? – уточнил Майкл.

– Есть. Значительная. – Ответил Ал. – Сейчас я живу. А вообще существую.

– Что это значит?

Ал остановился прямо напротив Майкла:

– Когда ты придумываешь идею – она оживает. Она волнует, – Ал показал рукой волну, – переполняет восторгом, влияет на твои мысли и поступки. Если что-то влияет – значит оно живёт.

Майкл немного смутился. Попятился назад, напряг память. И с негодованием воскликнул:

– Что это за новое определение жизни?! Если что-то влияет, то оно живёт? Да всё влияет! Но не всё живёт. Умершие люди тоже влияют на нас, волнуют воображение, но они не живы.

Ал приблизился и подтвердил:

– Вирусы тоже влияют, но они не живы. Это потому, что человек провёл условную черту между мёртвыми и живыми. Мёртвые порой влияют на наши поступки, но весьма ограниченно. Их сила похожа на силу вируса. Каждый человек

оставляет свой след в памяти и поэтому никогда не умирает для общества людей. Все помнят законы Ньютона, но мало кто уже помнит, каким был этот человек, чего он хотел, боялся или желал. Его страсти ушли и больше не властны над вашими судьбами.

Майкл перебил:

– Красивая аналогия, не спорю! Но далеко не все люди оставляют СВОЙ след.

– Правильно, – согласился Ал, – вообще никто не оставляет СВОЙ след.

– Как это? – удивился Майкл.

– Люди ступают чужим следам, делая их глубже. Поэтому никакой их шаг не пропадает бесследно. Поступки существуют намного дольше, чем кажется.

Майкл медленно попятился, пока его спина не упёрлась в стену. Он хотел отойти подальше, словно мыслям требовался дополнительный простор. Он никогда не задумывался над тем, как люди оставляют следы. Идея о том, что последствия складываются, никогда не приходила Майклу в голову.

– Видишь, – Ал показал пальцем прямо на Майкла, – эта идея заставляет сердце биться чаще, ты возбуждён и ощущаешь, что твоя жизнь изменилась, как только ты почувствовал красоту идеи. Разве она не живая?

– Хм! – Майкл фыркнул и постарался вспомнить критерии жизни из биологии: – Разве идеи эволюционируют? Размножаются?

– Конечно, – подтвердил Ал, – они изменяются, переходят от человека к человеку, живут и умирают вместе со своими хозяевами. Они живут в людях, а существуют на страницах книг и в цифровых носителях. В этом разница.

Майкл постарался подытожить:

– Выходит, если ни на что не влияешь, то – существуешь. А если влияешь – значит, живёшь?

В этот самый момент послышался звук перетаскиваемого железа. Майкл вздрогнул. Ал поднял голову вверх и сделал несколько шагов, словно что-то рассматривал на потолке.

– Ты не заходил в гости к соседке? – Ал внезапно рассмеялся.

Майкл покачал головой.

– Поэтому и гремит, – объяснил Ал.

Майкл хмыкнул:

– Как это связано?

– Почему бы тебе не узнать самому?

– Там живёт женщина пожилых лет, и у меня нет причин мешать ей.

Ал вдруг сделался серьёзным:

– Этот парадокс раздражает даже меня.

– Какой парадокс? – насторожился Майкл.

– Потребность внимания и страх беспокойства.

Майкл пожал плечами. Сейчас он думал совсем о другом.

* * *

После митинга коллеги принялись уговаривать Майкла

не отменять намеченный вечер. И хотя Майкл не собирался соглашаться, Ал легко переубедил его.

Гости расположились в знакомой комнате. Раскладной овальный стол на паучьих ножках обычно предназначался для настольных игр типа Каркассон. Стол вмещал восемь персон, обеспечивая максимальный комфорт общения. Люди могли обсуждать что-то вместе, а могли условно поделиться на две или три группы. По бокам умещалось шесть человек, а с торцевой стороны сидел Майкл. Сегодня на противоположной части стола добавился его новый знакомый Ал. По левую сторону от Майкла находились: Виктор, Мо и Нэнси, а по правую: Паоло, Рене и Рейчел.

Виктор источал жизнерадостность и счастье и выражал яркую заинтересованность сегодняшним вечером. Мо отражала его радость. Нэнси как обычно смотрела бы в противоположную от Виктора сторону, но так как теперь там находился Ал, её взгляд был уставлен вниз, а голова наклонена немного набок, словно у Иисуса на «Тайной вечере».

Паоло походил на молодого человека без определённого места жительства, с еле виднеющимся пушком на скулах, нечёткими светлыми усами и такими же светлыми глазами светло-серого стального цвета. Несмотря на отвратительный имидж, природа одарила Паоло симпатичным лицом с признаками интеллекта, которые возможно отражались в его бездонных максимально серьёзных стальных глазах. Но весь этот образ мальчика восемнадцати лет был на-

сквозь фальшивым. Паоло намеревался отпраздновать сорокалетие, и единственное, что напоминало о его истинном возрасте, – маленькие паучьи лапки в уголках глаз, которые можно было разглядеть лишь тогда, когда он улыбался. Но Паоло не улыбался. Почти никогда.

Загадочный дар природы позволял ему врать на свиданиях, выдавая себя за молодого недалёкого человека, играть роль подростка, погружённого в нуар, бессмысленного, мрачного и пустого, словно камера-обскура. И лишь немногие, в том числе Майкл, знали его с другой стороны: иногда неприятного, колкого, едкого, но интересного и небанально-го человека.

Паоло всегда сидел напротив Виктора, но никогда с ним не говорил. Его собеседниками были Майкл по левую руку и Рене по правую. Рене был самым старшим в этой компании и наиболее раскрепощённым в поведении. Он не излучал бесконечную радость, скорее лучи иронии и сарказма, но делал это особым благодушием, чем вызывал симпатию.

Рейчел блистала свежим каре. Этим вечером она собиралась совсем на другую вечеринку, но, учитывая всю пикантность ситуации, – напросилась. Она была в отличных отношениях с Майклом, и ещё у Рейчел имелась тайная миссия. Суть миссии заключалась в пропаганде свободных отношений, а также в борьбе с пуританством. Интуиция подсказывала Рейчел, что сегодня у неё будет возможность показать себя во всей красе.

Зловещая тишина настигла тайное собрание, когда Майкл приготовил чай, а после расставил блюда со сладостями. Виктор пёстро улыбался. Мо смотрела на Виктора. Паоло следил за Майклом. Нэнси выбирала глазами: «Так, попробую сперва это, потом то, потом...». Она всегда так делала: сочиняла «походную карту» сладостей. Все сладости согласно убеждениям Нэнси должны быть доставлены в рот в порядке от «так себе» до «очень вкусно». Рейчел уверенно демонстрировала серебряную подвеску с голубым шаром из минерального стекла и выжидала. Она делала ставку на Виктора. Виктор безусловно хотел задать вопрос, его глаза говорили об этом, его руки, переставляющие чашку с места на место, говорили об этом. Да и сам Виктор, излучающий голубоватый цвет взволнованного счастья, говорил о том, что ему до боли хочется задать вопрос.

Нэнси тем временем сортировала сладости в уме. Рядом с Виктором лежала горка разноцветных макарун. Нэнси собиралась оставить их напоследок, но не так, чтобы слишком, ведь ресурс макарун слишком ограниченный, чтобы оставлять их другим. Напротив Мо стояли конфеты в форме сердца, переливающиеся словно драгоценности благодаря необычной блестящей поверхности. В центре блюда была выложена пирамидка из продолговатых шоколадных конфет с алкогольной начинкой, а внизу словно древние камни были разбросаны трюфели, обсыпанные какао-порошком. Нэнси улыбнулась им голодной улыбкой, заговорщицки прищури-

да глаз и потянулась шаловливыми пальчиками. Кусь!

Виктор задал первый вопрос Алу:

– Так всё-таки, чем же вам понравился наш Майкл?

Слово наш было произнесено с таким интересным оттенком, словно Майкл приходился Виктору сыном или рабом. Уловить тонкую грань между этими двумя понятиями в голосе Виктора было сложно.

Нэнси томно зашлёпала челюстями, впиваясь в тело шоколадного трюфеля: «Чмок, Чмок».

Между тем Ал ничуть не смутился, доброжелательно взглянул на Майкла и, сделав руками небольшой жест, как бы намекающий: «что тут может быть не понятно», ответил:

– Красотой.

Вик рассмеялся:

– Да, да, конечно! Никто и не спорил, Майкл у нас красавец, – снова это необычное «у нас». – Но кроме?

Нэнси потянулась за прямоугольной конфетой из шоколада, покрытой тонкими струйками цветной карамели. Потом посмотрела направо, налево, согласно правилам дорожного движения, и, не обнаружив никаких противопоказаний, сделала «Кусь»!

Было заметно, как Ал неприятно смутился:

– Вы меня не поняли. Я говорю о внутренней красоте.

Паоло повёл бровями, слегка вытянул губы. Рене заговорщицки улыбнулся в сторону Паоло.

Виктор снова пёстро засмеялся:

– Да, да, но как же! Вы же едва знакомы! Разве можно за столь короткий срок что-то узнать о характере человека?

Рейчел интеллигентно без шума и пыли помешивала воображаемый сахар изящной ложечкой. На миг она остановилась, кинула взгляд на Нэнси, которая уже мысленно пыталась ограбить башню с красными сердцами, и вопросительно посмотрела на Ала.

Ал также уловил сигналы Нэнси, и подвинув сердца к ней, ответил:

– Я говорил не о характере, а о красоте идеи.

Нэнси поблагодарила Ала кивком головы и стащила красное сердце: «Кусь!»

Смех Виктора внезапно прервался. Он повернулся к Майклу и спросил у него:

– Майкл, у тебя появилась новая идея? Это было бы очень кстати в нашей ситуации, – слова «в нашей ситуации» имели тот же неповторимый оттенок, что и «наш Майкл».

Майкл помотал головой, но Ал ответил за него:

– Он ещё не осознал. Но уже думает о ней, и она прекрасна.

Мистическая тишина подкралась к присутствующим. Нэнси набиралась наглости попросить Мо, чтобы та подвинула блюдо с макаронами.

Виктор чувствовал, что всё идёт по плану:

– То есть, вы знаете, какая идея придёт Майклу в голову.

Отчего же вы не скажете ему? Или хотя бы не намекнёте?!

Нэнси вежливо коснулась рукава Мо: «Мо, макаруны, – означали её жесты. – Макаруны!».

Ал ответил без тени юмора в голосе, при этом повернувшись лицом к Паоло, забавно прищурил глаз:

– Разве родители могли знать, каким мужчиной станет мальчик, который любил ломать игрушки?

Виктор широко улыбнулся и, взмахивая руками, произнёс:

– Ах! Именно я был таким мальчиком!

– Совершенно верно, – подтвердила Мо, протягивая макарун для Нэнси.

– Но как можно оценить красоту идеи, если вы не знаете её? – не унимался Виктор.

– Да, да, – подтвердила Мо.

– Очевидно, речь идёт об имплицитном знании вне вербального выражения, – сказал голос напротив Виктора.

Источником неряшливого на вкус детского, но уверенного голоса был Паоло.

– Вы в этом что-то понимаете, Паоло? – спросил Виктор.

Паоло ничего не ответил, а лишь бросил взгляд в сторону Ала.

– Правда, – ответил Ал Виктору, – понимание и красота связаны.

Ал сделал театральную паузу:

– Даже больше, эти слова означают одно и то же. Ес-

ли ты способен чувствовать красоту, значит понимаешь её. Но в то же время мало кто способен словами объяснить рассвет или закат, звёздное небо, узоры листьев и паутины, звуков мелодии.

– О! Я с вами совершенно согласен! – просиял Виктор, – Но я бы сказал, что никто не способен объяснить красоту!

– Неправда. Листья, деревья, паутина, кровеносные сосуды – всё это фракталы, – перебил детский голос Паоло.

Ал улыбнулся:

– Объяснить можно, но чувство красоты возникает раньше объяснения.

Гости оживились. Было заметно, что их внимание включилось в работу, и если до сих пор большей части компании было всё равно, то сейчас каждое ухо приоткрылось. Паоло следил за Алом, Рене за Паоло, Мо за Виктором, Рейчел за Нэнси, а Нэнси за макаронами. На Майкла никто не обращал внимания, кроме Ала.

Виктор нагнетал темп:

– Но как возможно видеть идею? Вы умеете читать мысли?

– Нет, не умею, – ответил Ал.

– Что же имеется в виду? – пёстро улыбался Виктор.

Ал выдержал паузу, во время которой подбирал слова:

– Есть такая пословица: рыбак рыбака.

Виктор искренне развёл руками:

– И что это значит?

На лице Паоло лишь промелькнула тень скрытой улыбки:

– Разве не ясно, это значит, что он и есть идея, – тихо сказал Паоло.

За столом воцарилась тишина, которую прервал уверенный голос Рейчел:

– Мемра, Маамар, Логос, Слово – творческое начало Бога. Вы бы знали это, если бы увлекались историей, – она удовлетворённо осмотрела Ала, который молча кивнул ей. – Если упростить, всё это можно назвать идеей. Значит, если Бог существует, то в первую очередь он должен быть не столько человеком, сколько идеей. Разве это не было бы самым логичным?

– Верно, – серьёзным тоном произнёс Ал. Майкл сидел в оцепенении.

– Какое удивительное совпадение! – Рейчел пристально посмотрела в глаза Майклу. Майкл молчал, в то время как Виктор собирался с силами, чтобы сложить воедино копьё слов:

– Выходит, вы и есть Бог? – спросил он, подразумевая абсурдность этого вопроса, всматриваясь в окружающих, желая обнаружить поддержку.

Ал ответил ровным тоном:

– Мемра, Логос, – эти слова мне ближе, – он посмотрел на Майкла. – Слово «Бог» в человеческом языке меньше всего вызывает понимание. Оно сродни крику, обценной лексике без смысла. Сильная эмоция и при этом эмоция на мой

взгляд пошлая и даже грязная.

– Даже так?! – с неподдельным удивлением звучал голос Виктора.

– В это сложно поверить, – сказала Мо.

– Слово «Бог» – означает создатель всего сущего, – добавил Виктор.

– Совершенно верно, – подтвердила Мо.

– И это ужасно пошлая мысль: создатель всего, словно всё могло не существовать, а Бог – мог.

Виктор не унимался:

– Но вы же видите красоту в идеях, значит, не все идеи прекрасны?

Ал отрицательно покачал головой:

– Не все мысли – идеи. Некоторые похожи на идеи, кажутся идеями, но не есть идеи.

Рейчел отодвинула чашку и включилась в разговор:

– Кажется, я понимаю. Вы не создавали вселенную из ничего, вы её выдумали.

– Точнее, открыл, – поправил Ал.

– Наподобие того, как люди открывают идеи?

– Да, наподобие этого, – согласился он.

– Это многое объясняет, – проговорила Рейчел в полутоне от шёпота.

– Неужели вы собираетесь поверить в это? – возмутился Виктор.

– Абсолютно согласна, – подтвердила Мо.

Виктор не стал сдерживаться на этот раз:

– Майкл – завидный жених, любит необычных людей.

И тут появляется вы, загадочный гость, который изображает всевышнее существо. Хороша уловка!

Виктор надеялся поразить незнакомца в самое сердце, вызывая удивление, сожаление и в конце концов страх, но ни одна из этих эмоций не посетила Ала, он лишь задумчиво сказал:

– Почему люди склонны обвинять других в том, что любят совершать сами?

Собравшиеся посмотрели в сторону Ала.

– Например, вы, Виктор, дружите с человеком лишь потому, что он всегда готов поддержать ваше мнение. Разве это не способ изображать Бога?

Глаза устремились в сторону Виктора, который, казалось, пытался подобрать слова. Мо смотрела на него с нотками страха и негодования. Виктор прыснул:

– Ну! Вы слышали? Вы слышали?!

Паоло улыбнулся, Рейчел вежливо скрыла ухмылку, и в результате никто ничего не сказал. Виктор возмущённо схватил тарелку с макаронами и поставил её рядом с Нэнси:

– Какой позор! – крикнул он вслед макаронам, судьба которых заключалась в том, чтобы исчезнуть в пасти у Нэнси.

– Позор! – повторила тихим голосом Мо.

– Позор! – ещё раз бросил слово в окружающих Виктор.

– Позор! – повторила чуть громче Мо.

На последней ноте раздался раздражающий «Кусь» Нэнси, за которым скрылись реплики Виктора и его верной спутницы Мо.

Воцарилась продолжительная пауза, прерываемая лишь отдельными «Кусь» Нэнси. Закончив макарун сиреневого цвета с начинкой из лаванды и маскарпоне, она вдруг неожиданно заявила о своём присутствии.

– Скажите пожалуйста, – робко начала Нэнси, – а вы творите чудеса?

– Иначе не могло бы и быть, – с улыбкой ответил Ал, – Мир требует чудес точно так же, как человек – сладкого.

Нэнси улыбнулась в ответ:

– А покажите чудо?

Ал кивнул и принялся неспешно рассказывать. Гости слушали.

* * *

Из двадцати семи миль жилых районов – этот один из немногих, где суматоха города притворно замирает. Зелёные деревья, большие лужайки и даже одинокий фонтан, только пения птиц не слышно. За окном шумное нечто: уже не мегаполис, но ещё не живое дыхание природы.

Единственный источник шума, который выдаёт людей, находится по направлению лежащих ног. Матовые стеклянные двери, создающие иллюзию пространства и приватности, глушат шаги из ординаторской по коридору к пристанищам, которые, возможно, окажутся последними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.